

Нильс Кристи

ОХРАННИКИ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ

Норвежские охранники
«Сербских лагерей»
в Северной Норвегии
в 1942-1943 гг.

Нильс Кристи

**Охранники концентрационных
лагерей. Норвежские
охранники «Сербских
лагерей» в Северной
Норвегии в 1942-1943 гг.**

Социологическое исследование

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24540999

Нильс Кристи. Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942–1943 гг.

*Социологическое исследование: Алтейя; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-906910-10-3*

Аннотация

В 1942 году нацисты отправили около 4,5 тысяч югославских заключенных в концентрационные лагеря в Северной Норвегии. Когда война закончилась, в живых оставалась лишь одна треть. Некоторые ужасы концентрационных лагерей стали общеизвестны. Обнаружились непостижимые вещи. Геноцид. Массовое уничтожение людей. Нацистские монстры. И не только нацистские. Охранниками в этих лагерях служили

и норвежцы. Многим из них были после войны осуждены за жестокое обращение и убийство заключенных. Как это оказалось возможным? Может быть, эти люди были психически ненормальными, монстрами? Или это результат действия ненормальных социальных систем и отношений? Нильс Кристи подробно разбирает это в своей магистерской диссертации, вышедшей в виде книги в 1952 году. Сегодня, спустя еще более полувека, ответ на эти вопросы предстает в еще более мрачных тонах. Явления в духе Холокоста многими считаются закономерными результатами развития нашей цивилизации.

Содержание

Предисловие автора к переизданию [1971]	7
***	9
Из авторского предисловия 1952 г.	11
***	12
Введение	13
I. Концентрационные лагеря	18
Литература	19
Цели создателей концлагерей	20
Отличие от тюрем	24
Смертность	29
Болезни	32
Психическое воздействие	39
Трагедия и обыденность	40
Инфантильность	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Нильс Кристи Охранники концентрационных лагерей. Норвежские охранники «Сербских лагерей» в Северной Норвегии в 1942– 1943 гг. Социологическое исследование

«Все они были коммунистами. Грязные свиньи, вот они кто. Я и сам сидел в тюрьме, но мы старались следить за собой, поддерживать чистоту. А за этими следом идти невозможно было, так от них воняло. Я всё время старался идти сбоку. Отвратительное сборище. Естественно, это, может, от изнурения. Ну уж умыться-то по крайней мере можно, ведь в лагере был водопровод. Конечно, исключения тоже были».

«С чистоплотностью дела обстояли плохо, но

заклученных нельзя в этом винить. Они ведь в одних и тех же лохмотьях ходили, да и жили в тесноте.

– И норвежцы?

Да, точно так же. Так что сербов винить не в чем.

– Но ведь у них же был водопровод?

Триста человек в таком маленьком лагере, и постоянно в одних и тех же лохмотьях. Тут уж ничем не поможешь. И они были совершенно измотаны после дорожных работ целыми днями, да и отчаялись уже. В таком положении где уж чистоту поддерживать».

Книга издана при поддержке NORLA (Norwegian Literature Abroad)

© Н. Кристи, 2010

© С. Карпушина, перевод, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Предисловие автора к переизданию [1971]

Эту работу я написал в очень ранней молодости и хочу, чтобы она осталась такой же. Я сделал несколько сокращений и изменил некоторые слова, но ничего не добавил. У меня не было ни времени, ни желания для более значительных изменений. За прошедшие двадцать лет ничто не поколебало моей уверенности в сути этой работы, а именно, что очень большое количество людей (собственно говоря, большинство) могут совершать самые ужасные поступки в отношении других людей – в случае, когда внешняя ситуация становится достаточно экстремальной. Истинность этого утверждения была позднее подтверждена экспериментально американским психологом Стэнли Милгрэмом¹, а также много раз на практике, в том числе, массовым убийством мирных жителей вьетнамской деревни в Сонгми.

Сопротивляемость у разных людей различная. Однако перед лицом самых тяжелых испытаний мало кому удастся сохранить обычное поведение и осознать, что своими действиями ты причиняешь вред обычным людям. Это не означает, что все эти люди были чудовищами. В рамках данного

¹ Stanley Milgram: Some conditions of obedience and disobedience to authority, Human relations 1965 г. erg. 18, s. 64–75.

исследования мне довелось узнать больше норвежцев, осужденных за крайние формы нечеловеческого обращения и/или убийства, чем кому бы то ни было в Норвегии. И я осмелюсь сказать, что лишь за небольшим исключением эти люди были и остаются такими, как мы с вами.

Осознание этого подводит нас ближе к проблеме, но делает ее еще трудней. Вопрос здесь не в том, чтобы изменить людей, которые не такие, как остальные, а в том, чтобы изменить условия и формы общения, – социальные системы, которые заставляют большинство людей проявлять экстремальное поведение. Чтобы предотвратить насилие такого типа, требуются иные формы общества, дающие людям максимальные возможности относиться к другим людям как к себе подобным.

Моя диссертация была размножена в нескольких экземплярах на ротаторе в 1952 г., и я вручил их своим друзьям и коллегам. Резюме было опубликовано в журнале *Nordisk Tidsskrift for Kriminalvidenskap*² (Норвежский журнал уголовного права). Нельзя сказать, что моя работа получила широкий отклик. За исключением прокурора Нильса Парелиуса³, которого эта проблема интересовала в силу его должностных обязанностей, я почти не получал вплоть до недавнего времени никаких отзывов – ни письменных, ни устных. И несмотря на то, что исследование есть вообще дело одинокое, тишина вокруг именно этой работы была столь глубокой, что навела меня на размышления о том, что написанное мной просто-напросто невыносимо. Возможно, мне несмотря ни на что, удалось сказать именно то, что я хотел. Это не просто рассказ о страданиях, а рассказ о страданиях, причиненных обычными людьми. Не нацистами, не сумасшедшими и не психопатами.

Однако в самое последнее время я получаю множество писем именно по поводу этой работы. Я испытываю определенный скепсис насчет этого интереса – ведь вопросы исхо-

² *Nordisk Tidsskrift for Kriminalvidenskap*, 1952, årgang 41, s. 439–458, og 1953, årgang 42, s. 44–60.

³ Nils Parelius: *Serbervaktene i Nord-Norge*. *Samtiden* 1953, årgang 62, s. 194–208.

дят от поколения, которое отделяет от описываемых событий весьма длительный период времени. И все же я рад, что могу вновь вернуться к этой теме.

Я чрезвычайно благодарен норвежскому академику Нильсу Петтеру Гледичу за инициативу издать мою диссертацию в виде книги, а также за ценные советы по упрощению изложения. Также хочу выразить благодарность Норвежскому исследовательскому совету за подготовку работы к печати.

Осло, апрель 1971 г.

Нильс Кристи

Из авторского предисловия 1952 г.

Данное исследование предпринято по инициативе профессора Юханнеса Анденэса, он также помог мне получить доступ к необходимым источникам. Большую помощь оказали мне полиция, в особенности полицейский Клиффорд Ульсен, служба исполнения наказаний, в особенности Биргит Беркенхофф из Отдела регистрации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, и прокуратура, – в особенности прокурор Нильс Парелиус. Я им всем чрезвычайно благодарен.

Я хотел бы также поблагодарить многих наших собеседников, – бывших лагерных охранников за их терпение к нам и нашим многочисленным вопросам.

Я благодарен также Фонду Нансена и Норвежскому исследовательскому совету за полученную финансовую поддержку, без которой исследование было бы невозможно.

Первоначально с предложением провести такое исследование профессор Анденэс обратился к кандидату психологических наук Рагнару Кристенсену, а Кристенсен уже обратился ко мне. Я очень рад, что мне представилась возможность принять участие в такой интересной работе⁴.

Я также хотел бы поблагодарить своих однокурсников за добрые советы, – прежде всего, Улава Скордала, в настоящее время магистра, а также преподавателей кафедры социологии. Я благодарен Вигдис Кристи за помощь в проведении интервью и обработке материала.

Осло, весна 1952 г.

Нильс Кристи

⁴ Первоначально предполагалось осветить затрагиваемые в исследовании проблемы с психологической точки зрения, однако эта часть исследования не была завершена.

Введение

Перед началом работы у нас имелись лишь неясные гипотезы относительно ее целей. Мы не питали особых надежд на то, что обычные методы криминологического исследования окажутся приемлемыми в этом чрезвычайно особом случае.

В связи с трудностями подобного рода понадобилось довольно много времени для ознакомления с материалом, чтобы составить общую картину и наметить основные направления в хаотичном наборе данных. Часть осени 1948 г. и весна 1949 г. ушли на ознакомление с уголовными делами, возбужденными против норвежских охранников, на неформальные беседы с некоторыми из них, а также на беседы с полицейскими и другими людьми, имевшими отношение к лагерям. На основании проведенной работы возник ряд предположений, которые требовалось либо подтвердить, либо опровергнуть, как это принято в социологическом исследовании. Осенью 1949 г. начались первые интервью и более систематические беседы. Весной 1950 г. была осуществлена попытка глубже проникнуть в более общие проблемы концентрационных лагерей, а весной 1951 г. мы провели интервью и систематические беседы с контрольной группой. Было бы идеально, если бы социологическое исследование, и в особенности проведение интервью, изначально базировалось на знаниях, полученных осенью 1950 г. Однако это оказалось

невозможным, так как было важно провести интервью с рядом бывших норвежских охранников, прежде чем они выйдут из заключения. Именно поэтому некоторые интервью были подготовлены недостаточно тщательно.

Изложение результатов проделанной работы разделено на девять глав. Мы предпочли начать не с охранников и их ситуации, а рассмотреть сначала феномен концентрационных лагерей в общем плане: их цели, отличие от обычных пенитенциарных учреждений, и в особенности, какие физические, а также психические последствия они имели для тех, кто туда попадал. Первая глава основывается на обширной литературе, которая отчасти была мало известна в нашей стране в то время и вообще мало систематизирована.

В следующей главе работы основное внимание уделяется сербским лагерям⁵. Мы попытались установить фактический ход событий, а также, какое воздействие эти события оказали на югославов. Далее мы попробовали показать связь между сербскими лагерями и концентрационными лагерями вообще, чтобы применить данные общего характера, изложенные в первой главе, к условиям в сербских лагерях. Сделанные выводы, вероятно, имеют право на более пристальное внимание. Поместив этот материал в начало книги, мы стремились обрисовать среду, в которой впоследствии уви-

⁵ Лагеря для заключенных из Югославии в Северной Норвегии известны под названием «сербские лагеря», и мы считаем целесообразным в дальнейшем употреблять именно это название.

дим норвежских охранников. Кроме того, мы уже здесь закладываем основы для последующего описания различий и сходства в восприятии заключенных охранниками-норвежцами.

Лишь после освещения условий жизни заключенных мы обращаемся к ситуации, в которой оказались охранники. Начав с изложения методов исследования, мы предпринимаем попытку разделить охранников на две группы с точки зрения заключенных, – хороших и плохих, соответственно. Мы описываем поведение охранников, показываем, как они попали на эту службу, какое давление на них оказывалось, и как действовал сам факт их пребывания в должности охранников. Мы рассматриваем различные факторы, связанные с их прошлой жизнью, различные личностные черты и, в конце концов, пытаемся сопоставить эти две группы – а иногда и представить всех охранников в совокупности – с точки зрения их отношения к заключенным и другим феноменам концлагеря.

Что касается последнего, то здесь возникает следующая проблема. Разве нельзя допустить, что существовали или существуют определенные различия в отношении охранников к заключенным, за которыми они надзирали? Может быть, мы могли бы лучше понять сам феномен концентрационных лагерей, если бы сначала посмотрели на эти лагеря глазами заключенных и нейтральных наблюдателей, затем глаза-

ми хороших охранников и, наконец, глазами «плохих»? Если бы мы взяли некий феномен, встречающийся в большинстве концлагерей, и сначала спросили бы заключенных или нейтральных наблюдателей, что он означает, а затем попросили бы истолковать этот феномен «хороших» и «плохих» охранников, не получилось бы так, что их ответы обнаружили бы различия, которые помогли бы нам лучше понять концлагерь?

Положить начало изучению этих проблем имеет первостепенное значение, что служит главным оправданием масштабы данного исследования. Система концентрационных лагерей и относящееся к ней систематическое уничтожение нежелательных групп населения представляют собой один из важнейших и наименее исследованных социальных феноменов двадцатого столетия. Может быть, это исследование, несмотря на его несовершенство, заставит людей понять, что с этим непременно что-то надо делать.

На семинаре, посвященном методологии социальных наук, профессор Арне Нэсс⁶ назвал три важных принципа в выборе темы исследования:

- 1) практическое значение исследования;
- 2) укрепление теоретической базы больших систем;
- 3) осуществимость исследования с помощью имеющихся в наличии средств.

Мы полагаем, что наша работа с таким блеском выдержи-

⁶ Арне Нэсс (1912–2009) – крупнейший норвежский философ XX века.

вает испытание по первому пункту, что с остальными можно и подождать.

I. Концентрационные лагеря

В данной работе мы будем придерживаться представлений о концентрационных лагерях в том виде, к какому они существовали в Германии и на оккупированных территориях. Мы рассматриваем временной период с 1933 г., когда были созданы первые немецкие концлагеря, вплоть до весны 1945 г., когда большинство из них в одночасье прекратили свое существование. Мы не касаемся концентрационных лагерей в Советском Союзе и на территориях, впоследствии попавших в сферу его влияния, так как знаем о них слишком мало и они не относятся к основной цели нашего исследования – изучению феномена «сербских лагерей». Мы также исключили из исследования японские концлагеря на основании тех же аргументов. Кроме того, различия в климате придают японским концлагерям несколько иной характер, нежели то, что представляет интерес с точки зрения наших целей.

Литература

О немецких концентрационных лагерях написано очень много, и охватить весь этот материал достаточно сложно. В данном исследовании мы затрагиваем лишь небольшую часть имеющейся литературы. Особый интерес для нас представляют работы, в которых концлагеря рассматриваются с социологической и психологической точки зрения. Мы попытались сопоставить сведения, почерпнутые из этих работ, с личными воспоминаниями людей, переживших концлагерь. В основном мы используем материал, полученный от бывших заключенных, судей или нейтральных наблюдателей, но не охранников. Описание источников дается в Приложении.

В самом конце книги приводится полный список использованной литературы.

Цели создателей концлагерей

Если попытаться очень поверхностно воссоздать мотивы руководителей высшего звена СС, то цели концентрационных лагерей и лагерей военнопленных типа концлагерей можно сформулировать по пяти направлениям:

1. Лагеря должны были способствовать *нейтрализации* или *уничтожению* нежелательных индивидов или народностей. Если не считать отдельных лозунгов и заявлений типа «труд освобождает», их «воспитательная цель» не просматривается или не кажется доминирующей.

2. Лагеря должны были иметь *общее предупреждающее* воздействие, наводя ужас на немецкое население и в особенности на население оккупированных территорий.

Некоторые цитаты из приговоров Нюрнбергского трибунала иллюстрируют оба этих пункта.

«Управление на территориях, оккупированных Германией, производилось в нарушение правил ведения войны. Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и террора. 7 сентября 1941 г. Гитлер издал директиву, которая впоследствии получила известность под названием «Нахт унд небель эрлас» (приказ «Мрак и туман»); согласно этому приказу, лица, совершившие действия, направленные против империи

или германских войск на оккупированных территориях, за исключением тех случаев, когда данное лицо вне всякого сомнения должно было быть подвергнуто смертной казни, подлежали тайному увозу в Германию и передаче в руки Зипо и СД⁷ для суда над ними и наказания их в Германии. Этот приказ был подписан подсудимым Кейтелем. После того, как эти гражданские лица привозились в Германию, ни одно слово о них не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников; даже в тех случаях, когда они умирали в ожидании суда, их семьям не сообщалось об их судьбе; это делалось с целью вызвать беспокойство у семей арестованных лиц. Подсудимый Кейтель в сопроводительном письме, датированном 12 декабря 1941 г., следующим образом изложил те цели, которыми руководствовался Гитлер при издании этого приказа: «Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо суровым наказанием, либо путем проведения мероприятий, при которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию»⁸.

⁷ Зипо, SIPO, Sicherheitspolizei – охранная полиция (нем., прим. пер.), СД, SD, Sicherheitsdienst – служба охраны (нем., прим. пер.)

⁸ Приговор международного военного трибунала <http://historie.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml>

3. Лагеря составляли важную *часть экономической основы* эсэсовского государства.

Расходы на одного заключенного были незначительны, а использование рабочей силы практически неограничено. Так, важная в военном отношении работа стоила немного.

4 октября 1943 г. Гиммлер, говоря в Познани о русских военнопленных, захваченных в первые дни войны, сказал следующее:

«В то время мы не ценили массы людей так, как мы ценим их сейчас, – как сырье, как рабочую силу. То, о чем в конечном счете с точки зрения будущих поколений нам будет нечего жалеть, в настоящее время должно вызывать сожаление, что пленные умирали от истощения и голода, и из-за этого происходила потеря рабочей силы»⁹.

4. Лагеря *служили центрами обучения* для молодых эсэсовцев.

«Начиная с 1934 года, СС несли ответственность за охрану концентрационных лагерей и управление ими. Представленные доказательства не оставляют сомнения в том, что постоянное зверское обращение с заключенными концентрационных лагерей являлось результатом общей политики, проводимой СС и состоявшей в том, что заключенные лагерей рассматривались как представители низших рас, на которых следовало смотреть с презрением. Имеются доказа-

⁹ Там же.

тельства того, что в тех случаях, когда это позволял наличный состав членов СС, Гиммлер стремился к тому, чтобы состав охраны батальонов постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас»¹⁰.

«В серии речей, произнесенных в 1943 году, Гиммлер выражает свою гордость по поводу способности СС проводить эти преступные мероприятия. Он побуждал своих подчиненных быть «грубыми и безжалостными»; говоря о расстреле «тысяч видных поляков», он благодарил членов организации за оказанное ими содействие и за отсутствие с их стороны слабости при виде сотен и тысяч трупов их жертв. Он превозносил безжалостность при истреблении еврейской расы, истреблении, которое было названо им впоследствии процессом «санобработки». Из этих речей явствует, что общие настроения, преобладающие внутри СС, соответствовали тем преступным деяниям, которые совершались этой организацией»¹¹.

5. Лагеря поставляли также *человеческий материал для медицинских экспериментов*.

¹⁰ Там же.

¹¹ Приговор международного военного трибунала <http://historie.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml>

Отличие от тюрем

Существуют четыре основных отличия концентрационных лагерей от тюрем в том значении этого слова, какое мы употребляем в Норвегии, когда говорим, к примеру, об окружной тюрьме.

1) Большинство заключенных отправлялись в концентрационные лагеря без судебной процедуры или приговора. В лагерях они были полностью лишены всяких прав и отданы во власть лагерного руководства, охранников или нелагерных властей. Жестокое обращение – без причины или за малейшую провинность – было в порядке вещей. То же самое относилось к ликвидации больных заключенных, в которых не было надобности или для которых не было места, а также к использованию заключенных для экспериментов.

Так, в правилах об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях, говорилось следующее:

«Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... В военнопленных, пытавшихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать преду-

преждающего выстрела. Использование оружия против советских военнопленных является, как правило, законным»¹².

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма.

Приказ гласил:

«Задачей командиров Зипо и СД, находящихся в шталагах¹³, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая «обработка»: а) всех политически преступных или по каким-либо другим причинам нежелательных элементов, находящихся среди них; б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий... Далее, эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными, независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должно продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных,

¹² Там же.

¹³ Шталаг – концентрационный лагерь для интернированных военнопленных из рядового состава (Прим. ред.).

которые должны быть уничтожены...¹⁴»

В лагерях царило полное бесправие по сравнению с общей ситуацией в Норвегии в мирное время.

2) Узников помещали в концентрационные лагеря на неопределенное время и они находились в полном неведении относительно своей будущей судьбы.

3) Кроме вышеупомянутого жестокого обращения, узники испытывали чрезвычайные физические и психические страдания, и смертность среди них была очень высокой. Из-за большой продолжительности рабочего дня и перекличек оставалось часто не более шести часов на сон в переполненных бараках.

«Гигиеническое состояние было ужасным повсюду», – говорится в датском исследовании истощения и его последствий. – «Речь идет о состоянии туалетов, уборке помещений, как общих, так и индивидуальных... Пища часто была испорченной или загрязненной... В основном лагерная еда состояла из супа из корнеплодов и бутерброда из грубого ржаного хлеба с примесью соломы с маленьким кусочком маргарина и колбасы. Пища содержала в среднем около 1000

¹⁴ Приговор международного военного трибунала <http://historie.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml>

калорий и 30 г протеина (из них только 2 г животного протеина). В санчасти не было даже самого необходимого для оказания медицинской помощи — ни лекарств, ни инструментов, ни перевязочных материалов, ни коек, ни персонала. К этому следует добавить абсурдную точку зрения руководства СС на болезнь как саботаж против труда в концлагере» (17¹⁵, с. 1218).

Организация лагерей носила особый характер. Сформулированные выше «цели концентрационных лагерей» оказывали воздействие, как на заключенных, так и на охранников.

а) на **ОХРАННИКОВ**: в силу возложенных на них задач у них складывались более дистанцированные отношения с заключенными, чем в норвежских тюрьмах в мирное время. Их главная задача состояла не в руководстве рабочим процессом или подаче примера для заключенных, а том, чтобы заставить их как можно больше работать. Этому способствовала также огромная численность узников.

Охранники в концлагерях держались в стороне от общей массы заключенных и старались иметь прикрытый тыл. Система охраны и администрации имела авторитарную организацию.

б) на **ЗАКЛЮЧЕННЫХ**: ряд вышеупомянутых моментов и «цели концлагеря» способствовали упрочению внутреннего самоуправления в лагере. Почти везде заключенные име-

¹⁵ Цифры в скобках указывают на номер источника в списке литературы.

ли лагерный актив – старшего надзирателя, старшего по кухне, по санчасти, старшего каждого барака, бригадиров рабочих отрядов, начальников лагерной полиции и т. д. Такая специфическая организация немцами лагеря открывает интересные перспективы и вполне могла бы стать темой отдельного социологического исследования.

Возникает вопрос о том, какое воздействие такая система оказывала на заключенных. Мы попытаемся сначала воссоздать физические последствия, а затем более подробно остановимся на последствиях психологических.

Смертность

Ойген Когон¹⁶ в своей книге пытается определить примерное число погибших в немецких концентрационных лагерях. С рядом оговорок на невозможность установить точное число погибших, он приходит к выводу, что их *минимальное число* составляет около семи миллионов 125 тысяч человек (22, с. 146). Как полагает Когон, около 200 тысяч погибло еще до войны, а остальные – во время войны. До войны уровень смертности в обычных лагерях составлял примерно 10 %, а концу войны вырос до 35–40 % в лагерях среднего типа. В лагерях уничтожения, таких как Освенцим, уровень смертности был, разумеется, гораздо выше.

Одд Нансен и Тим Гревес пишут по этому поводу следующее: «Во время Нюрнбергского процесса были приведены цифры, показывающие, что в концентрационных лагерях в Германии побывало, по меньшей мере, 19 миллионов человек. Около 12 миллионов – людей всех национальностей и народностей – погибли в газовых камерах, были расстреляны, повешены или умерщвлены иным способом. Позднее

¹⁶ Ойген Когон (1903–1987) – немецкий публицист и социолог, сын дипломата еврейского происхождения, выходца из России. Стал широко известен после выхода книги «Эсэсовское государство: система немецких концлагерей» (1946), первого исследования социального устройства нацистских концентрационных лагерей. – Прим. пер.

французская правительственная комиссия пришла к выводу о том, что погибло 26 миллионов заключенных, однако это количество представляется завышенным» (25).

В датском исследовании истощения и его последствий подсчитана смертность среди датчан в концентрационных лагерях. Следует, однако, учитывать, что датчане, наряду с норвежцами, находились в лагере на привилегированном положении и имели больше шансов выжить, чем остальные. Немцы считали их «арийцами» и относились к ним поэтому гораздо лучше, а самое важное, большинство из них получали посылки от Красного Креста и из дома. Авторы пишут по этому поводу следующее:

«Смертность в лагерях была различной, в зависимости от условий содержания и в особенности от питания. Для датчан она является в некотором смысле показателем степени достаточности питания. Для шести тысяч датчан, отправленных в Германию по различным причинам и пробывших там различные сроки, смертность составила в целом 10 %...

В лагерях типа Порта и Хусум, куда не поступали посылки, а продолжительность содержания составляла всего семь месяцев, смертность достигала соответственно 44 и 25 %. В лагере Заксенхаузен смертность была только 3 %, несмотря на более длительный период пребывания – 10–18 месяцев. Большое значение имели также виды работ: в лагерях Порта и Хусум работы были тяжелыми. В трудовых колониях с таким же питанием, но с более легкой работой смертность со-

ставляла всего 3 %. Смертность полицейских в возрастной группе 21–30 лет составляла 3 %, в группе от 31–45 лет – 5 %, а старше 45 лет – 9 %. При более суровых условиях содержания эти цифры составляли соответственно 14, 31 и 43 %.

Что касается причин смерти, то по приблизительным данным, около одной трети людей умерло просто от голода и истощения без осложнений, еще одна треть – от голода и туберкулеза легких, и одна треть – от прочих инфекционных осложнений истощения и голода» (17, с.1218).

Болезни

В данном исследовании мы не делаем попытки дать медицинское описание болезней, преобладающих в концлагерях. Гораздо важнее проследить, какое воздействие эти болезни оказывали на внешний вид и поведение заключенных. Нас интересует картина, представавшая перед глазами охранников, так как позднее мы познакомимся с их версией событий.

Четыре фактора приводили к частым случаям заболеваний среди заключенных. Прежде всего, это недоедание и перенапряжение. Далее большое значение имели антисанитарные условия, температура воздуха и жестокое обращение.

НЕДОЕДАНИЕ приводило, прежде всего, к сильной потере веса. Четвертая часть выживших датских политических заключенных весили менее 45 кг (См.17, с. 1219). Снижение веса объяснялось скорее условиями содержания в различных лагерях, нежели продолжительностью нахождения там. Исхудание было в некоторой степени скрыто или не так заметно по причине голодных отеков, то есть накопления жидкости в тканевых щелях, ведущее к их увеличению и опуханию ткани. Этим страдали 36 % выживших датских политических заключенных.

Другой результат недоедания – так называемая диарея от голода, а также частое и сильное мочеиспускание. Пища в

лагере была чаще всего жидкая, а кроме того, заключенные пили много воды, чтобы заглушить чувство голода. 78 % датских заключенных концлагерей страдали от диареи во время пребывания в лагере (См.с.1221).

«Несмотря на плохие гигиенические условия, диарею в большинстве случаев следует рассматривать как симптом истощения, а не его инфекционное осложнение», – говорится в датском исследовании. И далее: «Диарея от голода появлялась эндемически. Более «привелигированные» заключенные, получавшие лучшее питание и жившие в «райских» условиях, обычно не заражались. Чаще всего симптомы наступали постепенно, среди политических заключенных через один-два месяца недоедания... Число испражнений составляло в легких случаях от 5–10 в день, а в тяжелых случаях опорожнение кишечника происходило практически непрерывно...» (17, 1221).

«Человек-скелет», или «доходяга», известный нам из большинства описаний концлагерей, находится на последней стадии недоедания. В датском исследовании о нем говорится следующее:

«Конечный результат истощения при данных условиях – это взрослый человек весом 35–40 кг, исхудавший до состояния скелета. У людей, дошедших до такого состояния, возрастные границы стираются. Недостача калорий и протеина

поражает в равной степени мускулатуру и кожу. Кожа становится неэластичной, сухой и серой. Малейшие повреждения нагнаиваются. Волосы и ногти почти не растут. Губы и полость рта становятся сухими и покрываются стру皮ями, однако без признаков авитаминоза.

Характерные черты такого человека – сутулость и адинамия (полный упадок сил), его движения – пока он еще может двигаться – характеризуются брадикинезией (замедленность движений). Он ходит медленно, с опущенной головой и согнутыми коленями, волочит ноги и спотыкается на неровностях поверхности. Часто он без всякой на то причины останавливается, роняет предметы. На линейке он валится с ног. Апатия, как уже говорилось, первый признак наступления стадии человека-скелета...

Известно, что выжили 80 политических заключенных (14 %), достигших стадии человека-скелета со всеми ярко выраженными признаками: emaciato (кахексия или исхудание), адинамия (упадок сил) и апатия... Исхудание не является решающим фактором для данного диагноза. Определяющие факторы – потеря сил и в особенности апатия. Для достижения этой стадии достаточно и трех месяцев... Причем большее значение, как и для всех видов недоедания, имеет характер заключения, нежели его продолжительность... В какой-то момент – как правило, внезапно, – человек перестает есть и пить. Диарея продолжается и приводит к прогрессирующей дегидрогенизации, все более заметному день от

дня спадению отеков и обнаружению реальной потери веса. Эта конечная стадия человека-скелета есть выражение освобождения в последний момент жизни» (17, с. 1226–1227).

САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ во многом способствовали ухудшению положения заключенных. И если ослабление организма в результате недоедания приводило к разрушению сопротивляемости, то отсутствие гигиены нередко способствовало заражению в местах мелких порезов и царапин.

«Наши мучения начались очень скоро», пишет Лисе Бёрсум. «Прежде всего, мы стерли себе ноги деревянными башмаками, на ногах образовались ранки, в которые проникала инфекция. Любая ссадина или царапина на пальцах кончалась воспалением... У Сулу и у меня было множество воспалений, у каждой из нас был кусочек бинта, который мы стирали каждый вечер и в мокром виде снова завязывали» (9, с. 85).

Все очень страдали от вшей. Вот что пишет Лисе Бёрсум: «Из-за множества блох мы не сразу осознали, что стали также и жертвами вшей. Как-то в воскресенье к нам зашла Ракель, встала в прачечной и начала проверять нас на наличие вшей. Большинство согласилось на проверку. На мне в тот день был красивый белый шерстяной свитер. В этом свитере она нашла семерых... В тот же вечер я нашла в том же

свитере еще шесть штук... Постепенно поиск вшей стал для нас важнее мытья и занимал почти все свободное время... Нам, обитавшим в третьем бараке, найти вшей было нетрудно, так как у нас была лампочка. Затем к нам стали заходить соседи, и каждый вечер у нас собиралось небольшое общество искателей вшей. Пока мы ели, вокруг нас сидели раздетые догола женщины и обыскивали свою одежду... А еще нам досаждала сильная чесотка, которая появлялась у всех рано или поздно... Болячки были общими. Начинались абсцессы. У Ингрид и Мари постоянно возникали большие нарывы. Мы даже думали, что это зараза, потому что они спали в одной постели. У Астрид вскоре появились ужасные раны на ногах...» (9, с. 153–154).

В датском исследовании о тех же болячках написано следующее:

«Отсутствие гигиены и частые травмы приводили к многочисленным кожным инфекциям, прежде всего на месте укусов паразитов, ранок от плохой обуви и инфекционным нагноениям. Так, в лагере Хусум из тысячи содержащихся там заключенных в ноябре 1944 г. не менее 470 «лечились» от различных ран, причем у 242 из них были абсцессы или флегмоны (гнойные нарывы)... Флегмоны в значительной степени способствовали повышению смертности в концлагерях. Они редко вызывали температуру или метастазы, затрагивали в основном нижние конечности, распространяясь от

ран на подошве вверх по отечной ткани, и часто охватывали всю ногу. При разрезе вытекало несколько литров отечной жидкости. Половина больных, выживших после флегмоны, одновременно имели также и ярко выраженные отеки» (17, с.1224).

Встречался и ряд других инфекционных заболеваний. Так, 13 % заключенных датчан заболели желтухой, и у многих была скарлатина. Эпидемии сыпного тифа унесли жизни огромного количества заключенных. Из 60 тысяч заключенных лагеря Дахау в период с января по март 1945 г. умерло 11 300. Как следует из датского исследования, 75 % из них умерло от сыпного тифа (17, с.1225).

ТЕМПЕРАТУРНЫЕ УСЛОВИЯ. Этот фактор зависел от места расположения лагеря. В некоторых местах жара и недостаток воды в значительной степени усиливали страдания заключенных. В других местах наибольшую опасность представляли холод и заморозки. Тысячи заключенных заморозили насмерть во время многочисленных перевозок.

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ. В качестве иллюстрации приведем отрывок из дневника Одда Нансена, датированный 12.2.1945 г.:

«Но самое страшное было то, что беспрестанно на них обрушивались удары резиновых дубинок. Молодые парни

SAW¹⁷ колотили их изо всех сил. Кровоточили лицо, руки, ноги. Большинство заключенных были босые, одеты в отрепья, а сквозь дыры в одежде просвечивали тяжелые раны от ударов... Жертвы побоев валялись на землю десятками, однако нацистских молодчиков это лишь вдохновляло, и они продолжали колотить лежачих и пинать их ногами. У заключенных кровь лилась изо рта, из ран и ушей» (25, том III, с. 223–224).

¹⁷ Sonderabteilung Wehrmacht – особое подразделение вермахта, нем., прим. пер.

Психическое воздействие

Арест и пребывание в концлагере воздействовали и на психику заключенных. Для наших целей упомянем и проанализируем лишь наиболее «видные» и «заметные» изменения. Анализ проведем с нескольких точек зрения. Мы посмотрим, как заключенные реагировали на *различной степени* тяжести истязания и экстремальные ситуации, рассмотрим отдельные психические изменения, которые были характерны, по-видимому, для большинства узников концлагерей, а также попытаемся проследить, как реагировали на события заключенные из разных мест и с различной биографией. В самом конце рассмотрим психическое воздействие на человека в стадии *человека-скелета*. Все эти процессы, разумеется, тесно связаны, и материал разделяется нами на различные категории лишь с целью анализа.

Трагедия и обыденность

Бруно Беттельгейм отмечает и основательно исследует одно своеобразное различие в реакции заключенных на различные *степени* издевательств или экстремальные ситуации. Создается впечатление, что заключенные гораздо больше возмущались и даже приходили в ярость от довольно незначительных оскорблений, чем от серьезных истязаний и совершенно экстремальных ситуаций, как например, массовые казни. Охранник, давший оплеуху заключенному, ударивший или обругавший его, вызывал большую ненависть, чем охранник, нанесший ему тяжелую рану, подчеркивает Беттельгейм. Об этом свидетельствуют также и сны:

«У многих агрессия против гестаповцев находит свое выражение в снах, когда заключенный во сне мстит им. Интересно отметить, что причиной мести заключенного – если оказывалось возможным найти определенную причину, – чаще всего было какое-то маленькое издевательство и никогда не чрезвычайное переживание. Автор записей... с удивлением обнаружил, что наиболее шокирующий опыт не попал в сны. Он спрашивал многих заключенных, не снился ли им транспорт, и не оказалось ни одного, кому это приснилось. Отдельные гестаповцы, совершившие незначительные прегрешения, вызывали гораздо более глубокую и сильную агрессию, чем те из них, кто проявил особую жестокость» (5,

Причина такой различной реакции на трагичные и обычные события заключается, по мнению Беттельгейма, в следующем: События, которые могли бы вписаться в нормальный опыт заключенных, то есть в их прежний жизненный опыт, вызывали обычную, вполне нормальную реакцию. На эти события они реагировали так же, как бы сделали это в своей жизни на свободе. Когда же событие полностью выходило за рамки их прежнего жизненного опыта, то есть было не только более оскорбительным, а чем-то совершенно новым и немыслимым, то заключенные реагировали по-иному.

Нам нет необходимости размышлять о том, правильно ли Беттельгейм объясняет причину различной реакции. Для нас важно само *указание* на различия в реакции, а верно ли его *объяснение*, не имеет значения. Следует отметить, что, согласно Беттельгейму, после длительного пребывания в концлагере разница в реакции исчезала.

Инфантильность

Долговременное пребывание в концентрационном лагере вызывало, очевидно, у очень многих заключенных регрессию к более инфантильному поведению. Здесь Бруно Беттельгейм использует тот же самый принцип для объяснения, как и выше – с заключенными обходились как с детьми, и поэтому они возвращались к инфантильной реакции. Однако и здесь важно изложить само наблюдение:

«Уже указывалось на то, что даже во время транспорта заключенных мучали так же, как жестокий и деспотичный отец мог бы мучить беспомощного ребенка. Следует также добавить, что заключенных подвергали унижению с помощью методов, характерных для ситуаций с детьми. Зачастую им ничего больше не оставалось, как наделать в штаны. В лагере процесс испражнения и мочеиспускания строго регулировался. Этот процесс был одним из важнейших событий и довольно подробно дискутировался. Если кому-то из заключенных надо было в туалет в течение дня, они должны были спрашивать разрешения охранника. Создавалось впечатление, что обучение правилам туалетной гигиены повторяется еще раз. Видимо, охранники забавлялись и упивались своей властью давать или не давать разрешение на посещение уборной... Заключенные жили, как дети, в моментальном настоящем. Они как бы не ощущали хода времени и не

были в состоянии планировать свое будущее. Они не могли отказаться от моментального удовлетворения потребностей, чтобы получить более сильное удовлетворение позднее. Они были не в состоянии устанавливать продолжительные отношения. Дружба возникала так же быстро, как и исчезала. Подобно подросткам, заключенные дрались друг с другом, говорили, что больше не хотят видеть друг друга или разговаривать друг с другом, а через минуту вновь были закадычными друзьями. Они хвастались, рассказывали истории о своих достижениях в прежней жизни, о том, как им удалось обмануть начальников или охранников, или как они прогуливали работу. Подобно детям, они нисколько не стыдились, когда оказывалось, что они соврали о своих подвигах» (5, с. 445–446).

Бруно Беттельгейм пишет также, в чем он видит связь между этим пунктом и различной реакцией на «пустяки, обыденность и трагедии»:

«... Создается впечатление, что когда заключенного ругали, били и изводили «как ребенка», а он, подобно ребенку, не был в состоянии защищаться, то данная ситуация способствовала пробуждению у него образцов поведения и психологических механизмов, характерных для ребенка. Подобно ребенку, он был не в состоянии связать обращение, которому подвергался, с гестапо в целом и ненавидел отдельных гестаповцев. Он кричал «уж я ему покажу», хотя сам прекрасно

знал, что это невозможно. Он не мог выработать объективной оценки, которая позволила бы ему рассматривать свои страдания как незначительные по сравнению с другими переживаниями» (5).

В статье «Some aspect of concentration camp psychology» («Некоторые аспекты психологии заключенных концлагеря») Пол Фридман отмечает, что инфантильная зависимость оставалась характерной чертой заключенных в течение долгого времени после их освобождения (15, 604). Лисе Бёрсум также затрагивает эту тему:

«Все это действовало на нас подобным образом. Все люди, весь шум и крик, передергивания плечами и отрывистые движения. Когда мы вышли из бани, то почувствовали себя как бы голыми и беззащитными. Я не знаю, было ли это ощущение у остальных, но я чувствовала себя неуверенно, как будто снова стала школьницей, глупой, некрасивой и несчастной. Все надо мной смеялись и издевались, а я попадалась на удочку. Как будто вся уверенность, которой я добилась в течение всей жизни, вдруг исчезла, и я осталась стоять ненакрашенной и раздетой. Одежду у меня отобрали, надели униформу с нашитым номером. Куда-то пропали мои знания немецкого языка, и я не могла связать и двух слов. Когда меня спрашивали, я не могла дать ясный ответ. Возможно, то была реакция на содержание в битком набитой камере. У меня будто крыша поехала, и я разбила все рекорды, теряя самые важные вещи – зубную щетку, мыло, мочалку

и полотенце. Впрочем, другие тоже на это жаловались» (9, с. 86–87).

Следующий пассаж из статьи Бруно Беттельгейма подтверждает предположение о том, что подобная регрессия не была единичным случаем, а поразила многих. Вот что он пишет:

«Автор выдвигает мнение о том, – частично основанное на самонаблюдении, частично на беседах с некоторыми другими узниками, осознавшими, что с ними происходит, – что подобная регрессия не могла бы произойти, если бы она не поразила всех узников. Заключение не посвящали друг друга в свои грёзы и мечтания или семейные дела, просто одни заключенные утверждались как группа, противостоящая другой группе – людей, протестовавших против отклонения от нормального поведения взрослого человека. Тех, кто не хотел впадать в инфантильную зависимость от охранников, обвиняли в том, что они есть угроза общей безопасности. Это обвинение не было беспочвенным, ибо за непослушание отдельных членов гестапо наказывало обычно всю группу. Поэтому регрессия к инфантильному поведению была неизбежна и более вероятна, чем другие типы поведения, навязываемые заключенным жизненными условиями лагеря» (5, с. 444).

Психоаналитик Эдит Якобсон утверждает то же самое: «Внезапно и совершенно неожиданно человек воспри-

нимает самого себя всеми покинутым, он чувствует себя маленьким беспомощным ребенком, который цепляется за остатки своего Я, чтобы бежать от угрожающих примитивных реакций. Неизбежно происходит частичная или более обширная регрессия к ранней инфантильной стадии развития. Генитальная организация рушится, и у всех заключенных в первые дни содержания в тюрьме происходит прорыв анального или особенно орального импульсов... Унизительное обращение, тот факт, что у тебя отобрали все твои личные вещи, особенно очки, усиливает ощущение страха и ускоряет регрессивные процессы... В первый день заключения некоторые женщины беспрестанно плакали по своим матерям, другие зывали к своим покинутым детям, зачастую явно не осознавая трансформацию собственного инфантильного желания получить защиту...» (18, с. 345).

Как считает Якобсон, охранники способствовали обострению такого развития:

«Об этой женщине-капитане были наслышаны во всех тюрьмах, она прослыла маньячкой и садисткой с дурацким стремлением все время разговаривать. Она отличалась двойственным отношением к заключенным. Своим тираническим поведением она доводила их до отчаяния, и в то же время относилась к ним как к «детям, забота о которых на нее возложена». Она постоянно заступалась за них, как будто думала, что они подвергаются несправедливому обращению со

стороны других. Ее отношение к заключенным напоминало отношение матери-тирана, стремившейся доминировать над детьми, и эта черта за долгие годы работы стала характерной чертой ее личности» (18, с. 352). (Смотри также комментарий к статье Э. Якобсон).

Некоторая регрессия к инфантильности наблюдалась, по-видимому, даже у заключенных, живущих в относительно благополучных материальных условиях. Так, Одд Нансен, находившийся в 1942 г. в лагере в Северной Норвегии в сравнительно хороших материальных условиях, писал в своем дневнике следующее:

«... Некоторые недовольны порученной им работой: они смотрят на тех, у кого работа легче, и их охватывает зависть. Иного не дано. Почему у *него* это есть, а у *меня* нет? Они совсем как малые дети. Даже те, которым уже за шестьдесят. Кто-то недоволен своей койкой – у других койки лучше, а к тому же, у других одеяла и простыни лучше.

Все жалуются старшему по бараку. Я проклинаю свою работу много раз в день. А ведь я считал себя таким терпеливым. Оказалось, что это не так. Как-то нам выделили несколько дополнительных шерстяных одеял, и мы отдали их тем, кому за пятьдесят, исходя из практических соображений. Тут же раздалось недовольное бурчание, послышались крики и вопли, посыпались оскорбления. Все это выплескивалось на старшего по бараку. А еще надо было при-

думывать что-то для организации досуга – игры и состязания, какие обычно устраивают для детей, когда их много и надо их чем-то занять, чтобы они ничего не натворили» (25, том II, с. 48).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.